

Исповедь

Георгій Панін

История Украины таит в себе судьбы исторических личностей, к которым ранее особо не присматривались ни историки, ни писатели. Об одной из них — моё маленькое сочинение.

ЯГАЙЛО (Йогайла, Ягелло, Владислав II Ягайло; 1348 — 1.6.1434) — великий князь Литовский (1377-92) і польский король (1386-1434). Син Ольгерда Гедиміновича. Засновник династії Ягеллонів. Після смерті батька отримав великокнязівський престол і став разом із своїм дядьком Кейстутом володарем Литви. Цей діархічний режим, успадкований від попередніх років, виявився нетривким: між співправителями спалахнула відверта боротьба, що закінчилась ув'язненням і загибеллю Кейстута (1382). Проти Я. розпочав боротьбу в союзі з хрестоносцями Вітовт Кейстутович, що змусило Я. шукати союзу з Польщею. Уклав Кревську унію 1385, що передбачала інкорпорацію його держави до складу Польської Корони й перехід у католицтво всіх мешканців Литви. У 1386 Я. одружився з польською королевою Ядвігою і 4.3.1386 під ім'ям Владислава II коронувався у Кракові на польський престол. У 1387 Я. захопив і приєднав до Польщі галицькі землі. В 1392 за Острівською угодою змушений частково відродити політичну самостійність Литви, передавши її в управління Вітовту. У Грюнвальдській битві 1410 Я. і Вітовт очолювали об'єднане польсько-литовсько-українсько-московсько-білоруське військо, яке розгромило війська Тевтонського ордену.

ИСПОВЕДЬ

Я, Владислав Второй Ягеллон, первый король Речи Посполитой, слишком долго живу на свете, и Господь со дня на день заберёт меня к себе. Ему мне сказать нечего, он всё знает о нас. Другое дело — потомки. Они, ещё не родившиеся, узнают обо мне из книг, а что такое книги? Творенье рук грешных грамотеев, кормящихся из рук королей и магнатов. Редкий из них решится укусить руку дающую — написать всю правду. Да и откуда им, монастырским затворникам, а не моим соратникам-советникам, знать все подробности внутренней и внешней политики, мои мысли и планы, если зачастую в своих плутают? Лучше исповедуюсь сам.

Родился я в 1348 году от Р.Х. сыном, внуком и правнуком Великих князей Литовских, великих своими делами, строителей государства. Миндаугас объединил литовские племена для отпора крестоносцам, дед, Гедиминас, начал движение на юг для сбора княжеств-осколков Киевской Руси, а отец, Альгердас, уже в 1362 году вошёл в Киев и, разгромив в 1363 Золотую Орду, отогнав её за Днепр, присоединил Подолье. Именно он, отец, заявил, что вся Русь должна принадлежать литовцам, и всю жизнь боролся за неё, гордо именуя себя королём Литовским и Русским. Разве мог я, потомок таких предков, не стараться соответствовать их величию? Бог свидетель, я старался

изо всех сил, и добился если и не всего, то многого! Я защитил и приумножил государство, стал королём-основателем династии и уже более 40 лет вершу судьбами Речи Посполитой. Много чего было в моей жизни, но в своей политике я всегда был последователен и настойчив, всегда предусмотрителен и осторожен. Лишь однажды эти качества подвели меня, и я до сих пор не могу решить — правильно поступил или нет. Ответ узнаете только вы — потомки. И не будьте слишком строги ко мне!

Великим князем я стал после смерти отца, в 1377 году, и со всем энтузиазмом продолжил дело объединения Руси. Русские князья, тараканами сидящие в своих мелких, захудалых княжествах, спали и видели Киевскую Русь, когда им было так хорошо, когда днепровская торговля наполняла серебром и золотом их казну, и не нужно было выпрашивать-выкупать ярлыки на княжение в Орде. На этом мы, литовцы, и сыграли: пообещали вернуть Днепр, защитить от Орды, не вмешиваться в их дела. Получив заверения и понимая, что нас им сам Бог послал (выдвижение объединителя из своей среды было бы чрезвычайной опасностью для каждого из них), князья дружными рядами начали присоединяться к Великому княжеству.

И всё бы ничего, если бы не дядя Кейстут! У деда, Гедимины, было семеро сыновей, но Великим князем стал самый умный из них, мой отец, с помощью самого воинственного, Кейстута. Отец, получивший восточную часть Литвы с большинством присоединённых дедом русских земель, продолжил движение на юг и восток, а дядя остался беречь Литву от Ордена и поляков. Отца встречали хлебом-солью на юге и бешеным сопротивлением на востоке, в Великом княжестве Московском. К Волге они не подпускали никого, за неё грызлись с соперниками, с Ордой, с Новгородом, а тут ещё и мы, литовцы! Отец дважды, в 1368 и 1370 годах подходил к Москве, но овладеть каменным Кремлём не смог. Попытался вторгнуться в 1372 году, но после поражения под Любутском отказался от продолжения борьбы и заключил с Дмитрием мир, ставший приговором союзнику, Тверскому княжеству. Русские князья были от него в восторге, литовские же завидовали и упрекали за небрежение Литвой. Дядя тоже упрекал его, приводил в пример русского князя Святослава, ушедшего на Дунай и чуть было не потерявшего Киев, но отец только посмеивался. Они любили друг друга, любили до такой степени, что дядя поддержал мою кандидатуру на великокняжеский стол, поддержал выбор брата в ущерб себе и своим сыновьям. А отец выбрал именно меня из своих 12 сыновей потому, что я был старшим сыном его второй жены, Юлианы Тверской, наполовину русским и мог претендовать на Великое княжество Тверское, мог использовать его против Москвы.

Как же дядя ошибся! Это отец мог слушать его пылкие речи, быть снисходительным, но я — нет! Мне 30 лет, я взрослый муж, зачем мне его поучения и чуть ли не приказы? У меня своя голова на плечах! Когда он узнал, что я согласился без его ведома на союз с Мамаем, а, значит, ещё дальше отдаляюсь от его милой Литвы — он был вне себя. Его вопли о том, что я, мальчишка, недооцениваю опасность Ордена, что у нас нет сил на войны со всеми соседями, смешили и раздражали меня, хотя он, к сожалению, оказался прав. Руководители Ордена сначала не поверили, что я

с доброй половиной войск уйду так далеко, зная, что тыл не обеспечен договором о мире, заподозрили подвох. Им мерещилось, что я затаился в лесах, жду, когда они в очередной раз полезут, и тогда с двух сторон, я и дядя, возьмём их в клещи. Я до последнего не разубеждал их, кружил и петлял, потихоньку, частями отсылая отряды на юго-восток, но полный обман не случился — когда я, тайно догнав своё войско, был в суточном переходе от лагеря Мамая, таясь ото всех, — меня догнал гонец и сообщил, что Орден пошёл в наступление всеми силами и дядя, не в силах его удержать, отступает. Дьявольское невезение! Мне не хватило 2-3 дней, чтобы дожидаться окончания битвы, в которой и московиты, и Мамай обескровили друг друга. Одной стрелой — двух уток! Я уничтожил бы двух врагов сразу, моя держава сразу бы удвоилась или утроилась! Но не судьба, а с судьбой не поспоришь!

В кратчайший срок вернувшись в Литву, я узнал, что дела обстоят гораздо хуже самых плохих ожиданий — крестоносцы выбили дядю из его домена, Жемайтии, и я, виновник этой катастрофы, теперь враг ему. Он проклял меня и вместе с другими князьями объявил о низложении с великокняжеского стола.

Так плохо мне не было никогда больше, хотя ударов от судьбы я получил немало! Сорвавшаяся гениальная операция, позор за катастрофу — я был раздавлен! Но потерять власть — это уж слишком! Дядя и братья забыли, что у меня осталось в целости и сохранности войско — и значит ничего не потеряно. Что они, с остатками своих дружин, могли навязать мне? Что за беда для моих дружинников-славян в потере части Литвы? Им нужен князь, мне — дружина, вместе мы непобедимы. Но с дядей нужно что-то решать.

Помогли немцы. Им было выгодно избавиться от одного из нас, и они "не заметили" исчезновения Кейстута во время переговоров о мире. Господь свидетель, как только ни пытался я помириться с Кейстутом, даже в ногах у него валялся, вымаливая прощение — бесполезно. Значит, помирить нас могла только смерть. И она помирила. Мне же пришлось смириться с потерей Жемайтии. Хоть и на время, но как было больно!

А каково было Витовту, сразу потерявшему и отца, и двоюродного брата-друга, и княжество? Понять-то он меня понял, а простить не смог — такое не прощается. Подвела меня жалость к брату и другу. Пока я колебался, решая его судьбу, решение приняла жена, хитростью освободив из тюрьмы. А уж как Орден обрадовался такому союзнику! Мне же враг и соперник был обеспечен на всю оставшуюся, такую неожиданно длинную жизнь!

Жаль, но с мечтой отца об объединении Руси днепровской и Руси волжской пришлось повременить — Орден и Витовт вцепились в глотку и душили, душили. Нужно было что-то делать, для начала — искать союзников. Враг моего врага — мой друг. Таким другом оказалась Польша. Хоть и виноваты поляки в том, что занесли эту орденскую чуму, но тогда ни нам, ни им поодиночке было не выстоять. К тому же у поляков не было короля, а была королева Ядвига, 15-летняя девчонка. Какой с неё прок! Я подходил полякам во всём кроме веры, а меня устраивало всё: королевский

титул, молодая жена, государство, способное противостоять кому угодно. Как бы вы поступили на моём месте? Стоит Краков мессы или не стоит? Я, грешный, не устоял!

С государством, Речью Посполитой, не сложилось. Моё решение пришлось не по вкусу слишком многим в Литве и Руси, чем и воспользовался Витовт. Он силой оторвал их от Польши, сам стал Великим князем, и только катастрофическое поражение, которое он потерпел от Орды в 1396 году, умерило его пыл, заставило укреплять связи с Польшей. Этот вынужденный, с его стороны, союз позволил разгромить Орден при Грюнвальде и возобновить движение на юг и восток. Там ждал успех, и опять у него стала кружиться голова, опять он решил отделяться. Германский император Сигизмунд поманил его королевской короной, отправил коронационное посольство, уже были созваны на коронацию князя, но Бог и мои люди не допустили гибели Речи Посполитой — посольство было перехвачено, корона — отобрана, коронация — не получилась! А там и Витовт умер. Наверное — от огорчения, ха-ха! И слава Богу! Зато я теперь умру спокойно, я свой долг выполнил!